

утаиванию, искажению правды в словах и высказываниях неискреннего человека. Остальные контексты (4—5, 7—8) скорее наводят на мысль, что истина противостоит усугубленной лжи — обману, вероломству. Короче говоря (в краткой рецензии приходится опускать звенья доказательства), в контекстах (4—10) *ист* на выступает не как гносеологическая, а как этическая категория.

Остается сказать, что данное небольшое исследование оказалось возможным лишь благодаря наличию ПС. Замечательный справочник открывает большие перспективы для лингвистических разысканий.

Высоко оценивая рассматриваемый труд, одновременно хотелось бы высказать и один упрек. Жаль, что составители отказались от орфограмм ПСРЛ-I, т. е. от глубоко мотивированных написаний Е. Ф. Карского. Так, для лингвиста важно показывать разницу между *ia* и *a*, поэтому употребление единой литеры *a* по большому счету не может удовлетворить. Надо было бы сохранить, вслед за Карским, и полулежащее *e*, а также *yi* вместо *y* и диграф *ou*, равно как и лигатуру *8*. Сейчас ПС указывает множество орфографических вариантов, но все же немалое их число упускает, потому что упрощения смазывают картину. Примечательно, что эти упрощения во Введении просто декларируются, но никак не обосновываются.

«.. Радуетсѧ купецъ прикупъ створивъ. и кормьчи в отищѧ приставъ и странникъ въ очьство свое пришедъ. такожъ радуетсѧ и книжвьѧ и списатель. дошедъ конца книгѧ...». Эти чеканные слова, которыми «Лаврентей мних» завершает свой труд⁴, составители ПС могли бы по праву обратить к самим себе.

⁴ Цитируем по изданию Карского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Müller L. Schriftenverzeichnis (Skripten des Slavischen Seminars der Universität Tübingen. № 26). Tübingen, 1987.
2. Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения / Ст. и коммент. Лихачева Д. С. Под ред. Адриановой-Перетц В. П. М.; Л., 1950.
3. Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» // Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 22—111.
4. Лихачев Д. С. Первое произведение по истории Древней Руси // Рассказы Начальной русской летописи. М., 1982.
5. Правила лингвистического издания памятников древнерусской письменности / Сост. Князевская О. А. при участии Коткова С. И. М., 1961. С. 62—63.
6. Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет» (Словосказатели и частотный словарь). Киев, 1984.
7. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. I: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.
8. Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археологической комиссией АН СССР. Т. I: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926.
9. Полное собрание русских летописей, изданное.../ Археологическою комиссией. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
10. Верецагин Е. М. Терминотворчество Кирилла и Мефодия // ВЯ. 1988. № 2.
11. Повесть временных лет / Подгот. текста Творогова О. В. // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII в. М., 1978. С. 22—276.

Верецагин Е. М.

Noun classes and categorization. Proceedings of a symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983 / Ed. by Craig C. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing company, 1986. 481 p. (Typological studies in language. V. 7).

Издаваемая с 1982 г. в качестве непериодического приложения к журналу «Studies in language» серия типологических исследований пополнилась в 1986 г. томом, посвященным широкому спектру вопросов, касающихся именных классификаций в естественных языках.

Выход этой книги, как и проведение специального симпозиума по проблемам «классологии», — факт знаменательный, свидетельствующий о стойком интересе

к данной проблематике. Предыдущая аналогичная конференция состоялась в Эксан-Провансе в 1967 г. [1]¹, и по своему

¹ Обсуждение проблем именных классов состоялось также в рамках совещания по теме «Распространение банту» (Бивье, 1977), но применительно лишь к так называемым граффильдским языкам (Камерун) [2].

тематическому профилю она существенно уступает Орегонскому симпозиуму. И дело не только в том, что там обсуждение ограничивалось африканскими языками, а здесь охвачены языки всех континентов. Более глубокое различие кроется в общей теоретико-методологической ориентации, отражающей, несомненно, не только актуальные устремления частных лингвистических дисциплин, но и состояние теоретических разысканий в лингвистике в целом. Сопоставление этих двух довольно далеко отстоящих во времени изданий не должно наводить на мысль, будто в двадцатилетний промежуток ничего существенного в этой области не появлялось. Напротив, объем публикаций нарастал, становились известными новые системы именных классов (что особенно заметно в африканистике), а начавшийся в 60-е годы стремительный взлет типологии придал новую актуальность теме именных классов. Рецензируемая книга — своего рода итог типологического исследования последнего десятилетия, но отнюдь не последнее слово².

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с этим трудом, это «вложенность» даже конкретных вопросов по отдельным языкам в широкий теоретико-типологический контекст, преобладающая ориентация исследований — когнитивная и историко-типологическая. Примечательны заключительные слова вводной статьи, в которых К. Крейг выражает надежду, что эта книга привлечет внимание в первую очередь специалистов по когнитивной психологии, интересующихся классификационной деятельностью разума. И такое пожелание — не случайная прихоть редактора и одного из авторов, а естественные поиски синтеза разных подходов к исследованию одного феномена.

Попыткой этого синтеза является и сама обсуждаемая книга, что выразилось между прочим в участии наряду с лингвистами также психологов, но главным образом — в особом внимании к проблемам категоризации, которым посвящен первый раздел книги (авторы этого раздела Дж. Лакофф, М. Познер, Б. Тверски, Т. Гивон) и которые в той или иной мере затрагиваются в остальных разделах. Вообще надо отметить, что здесь, пожалуй, впервые эксплицитно сведены к одному знаменателю разнообразные виды классификаций: грамматические си-

стемы рода и класса, системы классификаторов (нумеративов) и счетных слов, так называемые народные таксономии и естественные классификации. Удивительно, однако, не то, что это произошло, а то, что это не произошло десятилетием раньше.

Концептуальной основой единого подхода к различным видам классификаций послужила теория прототипов, в психологии связываемая с именем Э. Рош, а в лингвистике — с именем Дж. Лакоффа. Именно вокруг проблемы прототипов и прототипических свойств категорий развертывается дискуссия, содержащаяся в I разделе книги. Полагая, что теория прототипов представляет собой компромиссное истолкование категоризации, лежащее между двумя полярными подходами (платоновским и витгенштейновским), Т. Гивон доказывает ее эффективность применительно к метафорическим явлениям в грамматике (включая и самый факт грамматикализации) на примере транзитивности и трех типов речевых актов.

В трактовке Т. Гивона наиболее яркой и существенной чертой прототипичности является ее градуированность, т. е. возможность измерения. Но именно против такого «вычислительного» понимания прототипов высказывается Дж. Лакофф, видящий в классификаторах факт, противоречащий этому пониманию (с. 50). Как явствует из его типологии прототипов (типические примеры, социальные стереотипы, идеалы, образцы), его трактовка опирается на образный характер прототипа. Эти расхождения в трактовках прототипов были, по-видимому, справедливо оценены М. Познером как внешние противоречия, но внутренние дополнительные, так как, по его мнению, понятие прототипа включает обе указанные характеристики и еще ряд прочих (с. 59).

Обсуждение теории прототипов дополняется обсуждением уровней категоризации, в связи с чем Б. Тверски указывает на экспериментально выясняемую предпочтительность базисного (в смысле Э. Рош) уровня в качестве уровня референции. Именно он наиболее информативен в сравнении с супер- и субкатегориальным (например, наибольшее количество свойств испытываемые указывали применительно к яблокам, а не к фруктам вообще или к сортам яблок). Несомненно, в том или ином распределении информативности по категориальным уровням находит отражение знание о мире, чем и объясняются, к примеру, различия в категоризации (концептуальной классификации) между городскими и сельскими жителями, проявляющиеся в структуре народных таксономий и в номинализации базисного уровня. Так,

² Особого обсуждения заслуживают вышедшие несколькими годами раньше (и никак не отраженные в рецензируемой книге) исследования кельтской типологической группы, руководимой Г. Зайлером, см. [3].

в сельской таксономии *дуб* принадлежит к базисному уровню, в городской же базисный уровень представлен понятием *дерево* (с. 67).

Исследование народных таксономий имеет довольно давние традиции (достаточно вспомнить работы Г. Конклина, Б. Берлина, М. Мэтиот, в более поздние годы работы французских африканистов Ж. Тома, П. Рулон и ряда других), однако это была особая линия лингвокультурологических исследований, проводившихся в рамках «культурной антропологии» и практически не связанных с изучением грамматических классифицирующих категорий. Тем заметнее интересная попытка Д. Зубина и К.-М. Кёнке рассмотреть индексальное соотношение грамматической и лексической категоризации на примере рода и народной таксономии в немецком языке. Сделанное ими впечатляющее наблюдение относительно резкого преобладания имен мужского и женского родов на базисном уровне и имен среднего рода — на суперкатегориальном (с. 173) наводит на размышления в аспекте естественной морфологии, однако в должной мере эти наблюдения будут типологически оценены после проведения аналогичных исследований в других языках.

Эта статья входит уже в следующий раздел (II. Типологическое варьирование именных классификаций), где, помимо статей Р. М. У. Диксона о типологии классификативных систем и Д. Пейн об именной классификации в ягуа (Перу) имеются еще две работы, останавливающие внимание своей необычностью в типологическом контексте именных классификаций. Одна из них — это краткое сообщение Н. Руда о графемных классификаторах в египетской иероглифике и месопотамской клинописи — тема, совершенно ускользнувшая из поля зрения типологов. Другая — исследование Т. Сапалы о системе классификаторов в американском знаковом языке немых (которые называют его сокращенно Ameslan), в котором автор усматривает разительный параллелизм с классификативными системами звукового языка. Это тем более примечательно, что английский язык, субститутом которого служит Ameslan, не имеет классификаторов в обычном смысле этого слова.

Что касается типологии классных систем, то Р. Диксон говорит главным образом о противопоставлении именных классов (включая родовые системы) и классификаторов: первые — грамматичны, более компактны, немногочисленны, образуют закрытые грамматические системы, допускают минимальное варьирование; вторые — лексичны, более размыты, многочисленны, образуют незакрытые

системы (т. е. классификатор способен употребляться как polissemное слово), допускают широкое варьирование в зависимости от стиля и формы речи.

В целом эти различия, как говорится, лежат на поверхности, но даже оперируя столь ясными характеристиками, следует помнить, что жесткая типологизация может оказаться неоправданной, ибо в языках встречаются самые неожиданные комбинации признаков. Так, в известной типологии К. Аллена [4] различались два основных типа классных языков — языки с числовыми классификаторами и языки с согласовательными классификаторами, и материал многих языков хорошо укладывался в эту схему. Однако упомянутая статья Д. Пейн ясно показывает, что ягуа не поддается однозначному отнесению его к одному из типов, представляя собой смешанный тип, где есть и согласование, и классификаторное оформление числовых выражений.

Диксон как будто также склонен решительно разграничивать именные классы и классификаторы, хотя и допускает возможность развития первых из вторых, что, казалось бы, должно влечь за собой признание возможного переходного состояния без явной выраженности того или иного типа. Во всяком случае, великодушная статья М. Митун дает основания для такого предположения, демонстрируя постепенное перерождение инкорпорационных комплексов «имя + глагол» в словоформы с инкорпорированными классификаторами. Автор указывает в заголовке на конвергенцию классификативных систем, подчеркивая тем самым принципиальное генетическое различие между прототипическими и инкорпорирующими системами классификаторов, подкрепляемое различиями функциональными: главное назначение инкорпорации изначально состоит в том, чтобы квалифицировать глагол, а не имя. Будучи внереферентными, инкорпорированные имена (а позже — развившиеся из них классификаторы) сужают предметную сферу глагола-хозяина (с. 379).

Можно было бы согласиться с антитезой двух классификативных типов, отстаиваемой М. Митун, если бы мы располагали бесспорной и однозначной функциональной трактовкой прототипических классификативных систем. Но вот что интересно: П. Денни, обсуждая квантифицирующую и классифицирующую функции классификаторов, выдвигает объяснение их природы, также ориентированное на предикат. В своей квантифицирующей функции классификатор выражает сортность аргумента при имени, трактуемом как предикат; в своей классифицирующей функции он обеспечивает экспектации относительно глагола, кото-

рый должен последовать: классификатор настраивает слушающего на определенный тип (сорт) глагола (с. 302). Эта трактовка сходна с трактовкой инкорпорационных классификаторов у М. Митун, но, в свою очередь, вступает в противоречие с другим пониманием категории имени, согласно которому его прототипической характеристикой является категоризирующее начало, включенность в него понятия «рода», наряду с субстантивными понятиями «вещь» или «лицо», — в отличие от предиктирующих категорий, в частности, прилагательного [5].

Следует, однако, отметить, что при возможной дискуссииности положений обоих авторов бесспорным их достоинством является нечастое пока обращение к дискурсной перспективе при обсуждении семантических и функциональных свойств классификаторов. Р. Диксон сделал важное наблюдение о соотношенности типа классификации с определенной предпочтительной организацией дискурса. Так, язык джирбал (австралийский язык с именными классами) отличается заметной экономией средств в речи и широким использованием эллипсиса, тогда как соседний язык йидинь (с классификаторами) выделяется педантичной полнотой дискурса (с. 109).

Эта линия рассмотрения прослеживается в ряде других статей, входящих вместе со статьёй П. Денни о семантической роли классификаторов в раздел IV «Семантические и прагматические функции классификаторов»: П. Хоппер, чьи прежние, совместные с С. Томпсон работы немало способствовали углублению прототипической трактовки языковых категорий, специально останавливается на дискурсных функциях классификаторов в малайском языке, доказывая, что классификативность — пример чисто именной морфологии (т. е. близкой к прототипическим характеристикам имени). А. Л. Беккер на примере конкретного текстуального анализа показывает значимость одного из бирманских классификаторов (личностного). П. Даунинг обрисовала анафорическое употребление классификаторов в японском.

Этот раздел вместе с разделом III «Семантические признаки классификаторов» образует ядро книги. Статьи К. Крейга о классификаторах в хакальтекском языке (Гватемала) и К. Адамс об аустроазиатских классификаторах вскрывают важный параллелизм семантических принципов именных классификаций, хотя внешне хакальтекский классификативный строй поражает своеобразием, различая подсистему классификаторов социального взаимодействия и подсистему физического и функционального взаимодействия. И вновь реальность языка вносит кор-

рективы в излишне жесткие формулы: в теории естественных классификаций К. Адамс и Н. Конклин [6] утверждает невозможность одновременного действия принципов ранжирования по социальным параметрам и по родственным отношениям (принцип «или — или»), а в хакальтекском языке представлены как раз оба вида классификации (принцип «и — и»).

Важным в историко-типологическом отношении представляется факт неклассифицируемости в этом языке некоторых имен, в частности, локативов (с. 273). Известно, например, что в языках банту локативные классы по ряду признаков решительно отличаются от прочих, образуя до сих пор не решенную загадку исторической бантуистики. В третьей статье этого раздела — П. Денни и Ч. Крейдера о семантике именных классов в протобанту (статья, имеющей уже собственную десятилетнюю историю) — локативы, разумеется, не рассматриваются. Авторы сводят семантические противопоставления классов к классификации по «родам» (люди, животные, растения, фрукты, артефакты) и по конфигурации (по фигуре или по очертаниям, далее по растянутости — нерастяннутости), т. е. фактически по тем же признакам, которые К. Аллен устанавливал для различных классификаторных систем и которые фигурируют в описании К. Адамс, а также в последующих статьях по китайскому и тайским языкам.

Обращение к протобанту переводит дискуссию в плоскость истории, чему посвящен раздел V «История и усвоение детьми систем классификаторов», где, кроме уже обсуждавшейся статьи М. Митун, представлены работы: М. Эрбо о развитии китайских классификаторов в истории языка и в речи ребенка, С. Деланси об истории тайских классификаторных систем, К. Демит, Н. Фаракса, Л. Марчиза о нигеро-конголезских именных классах и согласовательных системах в онтогенезе и в историческом изменении. Статья С. Деланси перекликается со статьёй М. Митун, демонстрируя историческое развитие имен в термины классов и далее в классификаторы и возникающий при этом категориальный континуум от чистого имени до чистого классификатора.

В двух других статьях этого раздела мы видим не такое уж частое в «классологии» обращение к психолингвистическим факторам с целью прояснить историческое развитие классификативных систем. В целом опора на свидетельства детской речи при обсуждении семантики и функций классификаторов себя оправдывает (ср. [7]), но наблюдающееся иногда стремление чуть ли не отождествить онтогенез и глоттогенез вызывает естественную настороженность. В содержательной статье

трех авторов имеется одно наблюдение, предполагаемые диахронические импликации которого трудно принять.

Авторы отмечают более раннее появление и более последовательное использование назальных классов (1, 3, 4, 6) в детской речи на сесото (язык банту), чем неназальных, т. е. не имеющих классного префикса с назальной фонемой (в языках банту это *m*- с последующей гласной или без нее). Можно ли эту онтогенетическую особенность представить в виде глоттогенетической тенденции? Едва ли. Во всяком случае, это далеко не очевидно. Проблема назальных классов занимает особое место в исторической бантуистике и бантоидологии, появление назального префикса считается сугубо бантуской инновацией, позволяющей отличить эти языки от их ближайших родственников в составе бенуэ-конголезской семьи (обстоятельный обзор соответствующей проблематики с обсуждением некоторых версий диахронического порядка см. в [8]). Поэтому слишком ненадежно полагаться только на факты онтогенеза, которые, кстати, сами требуют перепроверки и которые в данном конкретном случае могут отражать не столько детскую грамматику, сколько фонетическую универсалию детской речи, согласно которой, по Р. О. Якобсону, назально-вокалический комплекс принадлежит к наиболее рано появляющимся элементам звукового репертуара.

Подводя итог далеко не исчерпывающего обзора нового труда американских лингвистов, следует подчеркнуть его большой вклад в теорию и типологию именных классификаций, дополняемый информативно важным расширением фактического диапазона благодаря привлечению новых данных.

Вместе с тем эта книга вскрывает новые горизонты (новые, разумеется, в относительном смысле) ждущих решения проблем, связанных уже не столько с возникновением и расцветом классных

систем, сколько с их вырождением, сопровождающим процессы пиджинизации, умпрания языка или вообще интенсивных и широких языковых контактов. Более внимательное изучение этой стороны жизни классификативных систем способно, видимо, дать новые аргументы и для дискуссий, отраженных в рассмотренной книге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. La classification nominale dans les langues négro-africaines. P., 1967.
2. Les classes nominales dans le bantou des Grassfields // *L'expansion bantou*. [V. I] / Ed. par Hyman L. M., Voorhoeve J. V. P., 1980.
3. Apprehension: Das sprachliche Erfassen von Gegenständen. Tl I: Bereich und Ordnung der Phänomene / Hrsg. von Seiler H., Lehmann Ch. Tübingen, 1982; Tl II: Die Techniken und ihr Zusammenhang in Einzelsprachen / Hrsg. von Seiler H., Stachowiak F.-J. Tübingen, 1982.
4. Allan K. Classifiers // *Language*. 1977. V. 53. № 2.
5. Wierzbicka A. What's in a noun? (Or: How do nouns differ in meaning from adjectives?) // *Studies in language*. 1986. V. 10. № 2. P. 371—372.
6. Adams K. L., Conclin N. F. Toward a theory of natural classifications // *Papers from the 9th regional meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago, 1973. P. 3.
7. Каарк Е. В. Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых ребенком // *Психолингвистика*. / Сост. и ред. Шахнарович А. М. М., 1984.
8. Hyman L. M. Reflections on the nasal classes in Bantu // *Noun classes in the Grassfields Bantu borderland* / Ed. by Hyman L. M. Los Angeles, 1980.

Виноградов В. А.

Именные классы в языках Африки / Отв. ред. Охотина Н. В. М.: Наука, 1987. 241 с.

Коллективная монография сотрудников сектора африканистики Института языкознания АН СССР посвящена фундаментальной для африканского языкознания проблеме строения именных классификаций, взятой в разных ее аспектах. К достоинствам монографии следует отнести следование традиции в сочетании с поисками новых подходов, обширность при-

влекаемого впервые материала, точность и полноту описания. Некоторые вопросы, поднятые в монографии, выходят за рамки африканистики и представляют общелингвистический интерес.

Первая и самая значительная по объему глава «Корреляция классов в языках банту» (автор — И. Н. Топорова) содержит тщательно выполненное формальное